

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-3-22

УДК 101. 1:316

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Вершилов С.А.

Причинённая цель статьи – анализ понятия «военная безопасность» с социально-философской позиции. Научная новизна представленного материала определяется значимыми признаками рассматриваемого явления. Автор не без основания приходит к выводу, что ими выступают: состояние репрезентативной практики социума в контексте его деятельности, мышления и поведения по интересующему вопросу; сохранение качественной специфики объекта в пределах его прочного существования, динамического развития и плодотворного функционирования; принятие мер по дистанцированию ценностей объекта от получения урона, в первую очередь, на основе мирных значений: политических, экономических, социальных, информационных и др., а военное вмешательство – вторично. Статья представляет интерес для специалистов в области военной политики и безопасности, преподавателей при проведении ими учебных занятий по политологии и безопасности жизнедеятельности.

Ключевые слова: военная безопасность; защищённость; опасность; репрезентативная практика; состояние; социально-философский анализ; социум; угроза.

INTRERPRETATION OF NOTION «MILITARY SAFETY» IN MIRROR OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Vershilov S.A.

The caused purpose of the article is an analysis the concept of «Military safety» from social-philosophical position. The scientific novelty of the presented material is determined the meaningful signs of the examined phenomenon. The author is not without justification comes to the conclusion that they are: a condition representative practices of society in the context of its activity, thinking and behavior on relevant issues; the preservation of the quality specifics

of the object within its solid existence, dynamic development and effective functioning; acceptance of measures on distance values of object from the receipt of damage, primarily on the basis of peaceful values: political, economic, social, informative etc., and military intervention – is secondary. The article is of interest for specialists in area of military policy and safety, teachers in conducting training sessions on political science and safety of vital functions.

Keywords: *dander; military safety; protection; representative practice; social and philosophical analysis; socium; status; threat.*

Значительная часть трудов исследователей о военной безопасности раскрывает либо совокупность приёмов и подходов её обеспечения, либо важные проблемные стороны. К сожалению, вне их пристального внимания осталось важное обстоятельство, связанное с фиксацией самого понятия «военная безопасность» на основе философского анализа имеющихся признаков данного феномена. Доказательством может явиться труд Д.И. Макаренко и Е.Ю. Хрусталёва, которые, освещая свою позицию, утверждают: «Военная безопасность – это состояние международных отношений и военной организации государства, при котором обеспечивается его надёжная защищённость от военного нападения» [8, с. 9]. Данное определение не позволяет согласиться с ними в полной мере, поскольку при такой трактовке сужается круг субъектов, участвующих в решении проблем военной безопасности, а её организация концентрируется в одних руках – государства. Тем самым, с одной стороны, умалется роль социума в обеспечении и организации военной безопасности, а с другой – следование на практике указанному приводит к недооценке внутренних опасностей.

Кроме того, в соответствии с временными интенциями межгосударственных отношений, не следует полностью отрицать перспективу, при которой будет сведена к минимуму значительная совокупность военных угроз и рисков. Присущие же обозримым горизонтам опасности свидетельствуют лишь о том, что невозможно зафиксировать безусловный уровень военной безопасности, в то время как её другие качественные состояния развития вполне достижимы. По-видимому Д.И. Макаренко, Е.Ю. Хрусталёв подразумевали именно абсолютную военную безопасность, не предусматривая при этом её иные степени протекания, более совершенные и необходимые.

В зарубежной науке осознание вопросов военной безопасности в качестве субстанциональной направленности приняло оборот автономной области анализа – «стратегических исследований» («strategic studies»). Дж.Р. Бойд, Дж. Снайдер, П. Катценштейн, Ч. Ричардсон, Т. Шеллинг конституировали свои позиции по отношению к таким проблемам как «стратегиче-

ская культура», «стратегия конфликта» и «стратегическое мышление». Вне всякого сомнения, разработки американских учёных произведены в контексте национальных интересов США. Вместе с тем следует признать, что, отчасти, они рассмотрели необходимую репрезентативную – поведенческую, деятельностную и идеологическую – практику субъектов государства по некоторым существенным вопросам обеспечения военной безопасности.

Так, Т. Шеллинг предпринял попытку по выработке императива деятельности в военных конфликтах и международных отношениях. По убеждению учёного, «как правило, надо угрожать тем, что действие будет исполнено, а не тем, что оно может быть исполнено. Сказать, что оно может быть исполнено – всё равно, что сказать – оно может быть и не исполнено» [11, с. 233]. Затем П. Катценштейн объявил о том, что «стратегическое мышление» как символический комплекс может политически материализоваться <...> при столкновении с другими культурами – нормативами, идеологиями и ценностями их носителей [2]. Очевидным предназначением демонстрации указанных выше позиций выступила потребность в установлении воздействия исторического опыта и культурных ценностей на мыслительное совершенствование национальных стратегий военной безопасности государственными элитами.

Попытки американских исследователей были уточнены в трудах российских учёных И.Ю. Жинкиной и М.И. Рыхтика. Первая дала логическую характеристику понятию «стратегическое мышление», объявив объектом его познания общенациональный опыт реализации стратегических целей страны вовне [4, с. 79]. Несколько позже М.И. Рыхтик представил своё видение термина «стратегическая культура» в качестве «сложной развивающейся структуры, объединяющей систему ценностей, стереотипы, мифы, знания, интуицию тех, кто участвует в процессе решения проблем национальной безопасности» [9, с. 94]. Следует заметить, что понятие «военная безопасность» обладает более разносторонним качеством, не укореняясь в границах политологического рассмотрения процессов разработки и принятия решений по интересующим вопросам, но и не пренебрегая ими как одной из позиций.

Такой подход также преломляется и при ознакомлении с толковыми словарями других (иностраных) локальных пределов. Так, в словаре Лярусса (Франция) «военная безопасность» (франц. «*securite militaire*») рассматривается в качестве «доверия, душевного спокойствия, проистекающего из мысли о том, что нет военной угрозы, которой следовало бы опасаться личности» [14, с. 920]. Чаще всего повторяющийся смысл английского «*military safety*» – в соответствии с Новым Оксфордским словарём – есть «состояние или ощущение отсутствия военной опасности для социума» [13, с. 1093]. Словом, значительная характеристика представленных определений и происхождения слов в английской и французской интерпретациях

заключается в следующем: «военная безопасность» соизмеряется в них с восприятиями, присущими конкретному субъекту – индивиду, группе индивидов или цивилизации. Подытоживая отмеченное, важно подчеркнуть, что различающиеся значения в закреплении рассматриваемого термина порождаются парадигмами, в которых данное понятие существует в языкознании множества локальных социумов.

Однако следует возвратиться на короткое время к интерпретации понятия «военная безопасность» российскими учёными-лингвистами. Этимологически интересующая автора дефиниция составлена по стандарту антиномии посредством прибавления к подлежащему приставки «без»: «военная опасность – военная безопасность», и является негативистской структурой совокупности двух слов. Такой подход логически оправдывает определение военной безопасности как «состояния <...> и / или защищённости от <...> военных угроз». Но для установления значения рассматриваемого термина элементарное оппонирование одного другому не покрывает необходимой в этом потребности, поскольку существенным является определённый контекст его позитивного образа.

Реализация указанного позволит осознать, что в ряде словарей пара дефиниций «военная опасность – военная безопасность» предстаёт неоднокоренными словами. Она имеет неодинаковый смысловой оттенок, а, согласно Ю.В. Зориной, – «разнородные англоязычные терминологические единицы» [5, с. 67]. В такой ипостаси первая её часть выступает неоднозначным «отвержением» второй. Так, в английской интерпретации «military hazards / military safety» необходимое количество лексем даёт право представлять военную безопасность в качестве созидательного начала, связанного с упоминавшимся состоянием «спокойствия, проистекающего из того, что нет военной угрозы, которой следовало бы опасаться» социуму. В данном случае речь идёт о *состоянии репрезентативной практики социума в контексте его деятельности, мышления и поведения по интересующему вопросу*. Это важно зафиксировать первым существенным признаком военной безопасности.

Подобное обстоятельство, представленное в ряде зарубежных словарных единиц языка, неоднократно становилось комфортным, а затем и доминирующим для многих репрезентативных практик, утверждавших такое «ощущение спокойствия» как совместно извлекаемое благополучие. Примечательно, что политический контекст военной безопасности, ставший всеобъемлющим в эпоху глобализации, когда-то оказался «сконструированным» как раз в социокультурном пространстве Западной Европы. По мнению З. Бжезинского, «логические акценты в толковании военной безопасности, появившиеся в XVII в. в западноевропейском сознании, видоизменялись со временем, хотя постоянное восприятие её смысла интерпретировалось по-

литическим состоянием, формализующим уровень деятельности, сознания и поведения нации» [12, с. 49].

Идейный лексикон военной безопасности, сформированный зарубежной культурой, избыточно позиционируется в период установления нового миропорядка. Это важно принимать в расчёт при рассмотрении факта указанного словоприменения в качестве доли целого – культуры человечества. Актуально иметь ввиду и следующее: многие государства (как, впрочем, и Россия) впервые почерпнули (-ла) политический запас слов о военной безопасности как раз по зарубежным лекалам.

Так как иноязычная система вербального выражения мысли по интересующему вопросу оказалась впитанной из западного социокультурного пространства, адекватного с неё «снятия» отечественными исследователями анализируемого явления практически не произошло. С одной стороны, это нередко объяснялось недостатками в формулировании аккуратного словарного эквивалента, а с другой – особенностями культурных процессов, способствовавших адаптации России к эволюционирующей военно-политической обстановке. По-видимому «отрицательное устройство» понятия «военная безопасность» в полной мере удовлетворяло потребности прежней жизни россиян. Однако в эпоху глобализации, когда рассудочное восприятие рассматриваемой дефиниции приняло вид существенной движущей силы в реализации военной политики, такое «построение» стало «отдалять» искони свойственные ей интерпретации, вобрав в себя только легитимирующее предназначение дискурсивного познания.

Случаи к отражению первого сущностного признака военной безопасности ещё представятся на страницах статьи. Пока же, в момент утверждения основ её анализа, необходимо высказать мнение об уже доказанном «событии»: понятие «военная безопасность» в различных социокультурных пластах – особенно лингвистических, как их части – обнаруживает определённый контекст смысловых оттенков. Данное утверждение оговаривает несовпадающие позиции в разумении исследуемой дефиниции, что значительно влияет на её содержательную логику в теоретической подоплёке, дискурсивном познании и репрезентативных практиках субъектов локального государства.

В этой связи важно признать методологически грамотным указание С.С. Антюшина на то, что «военная безопасность, не являясь абсолютной гарантией защиты личности, общества и государства от проявлений агрессии, вместе с тем позитивно способствует их существованию и развитию» [1, с. 74]. Однако актуализируется потребность в значимых уточнениях. Во-первых, не просто «позитивно способствует существованию и развитию личности, общества и государства», а существованию и развитию их деятельности, мышления и поведения в спец-

ифической сфере. Во-вторых, военная безопасность также положительно влияет на эффективное функционирование своеобразной репрезентативной практики социума по сбережению причинённого объекта.

Сведущее осмысление научных взглядов на военную безопасность стало активно проявляться с начала XX-го столетия. Вместе с тем социально-философская интерпретация по данному вопросу утвердилась лишь малой толикой. В этой связи важно «движение» к воспроизводству указанной рефлексии, которая проявляется неочевидно – в зеркале диахронной эволюции военной безопасности. По-видимому рассмотрение прошлого обнажит, как минимум, две стороны предмета исследования.

Первая. То или иное доминирующее смысловое значение исторической эволюции военной безопасности западноевропейских государств и её российского аналога не единожды подвергалось реконструированию. *Вторая сторона.* В периоды существования цивилизации (в том числе и российской) ни одна из «обнаруженных» репрезентативных практик полномочных носителей власти не оказалась утраченной, став, своего рода, «скрепой» военной безопасности. Становится очевидным, что для последней характерно *сбережение качественной специфики объекта в пределах его прочного существования, динамического развития и плодотворного функционирования.* И это важно афишировать следующим значимым признаком предмета анализа.

Налицо также отсутствие определения «военная безопасность» в философских энциклопедиях, поскольку оно углубленно не разрабатывалось в истории отечественной философской рефлексии. Вместе с тем сама проблематика военной безопасности постоянно в ней ощущалась. Достаточно часто она находила своё выражение в контексте толкования ряда понятий: гарантия, доверие, защита, обороноспособность, опасность и т.п.

Регистрированное в Кратком словаре военно-стратегических терминов разъяснение, которое приходится зафиксировать, опять же вмещается в восприятие понятия «военная безопасность» как «состояния гарантированной защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних военных угроз» [6]. Основопологающим, равно как и принимаемым, в данном случае является то, что военная безопасность представляется как положение, устанавливаемое объективно, правда, с доминированием узаконенного насилия над невоенными средствами. Указанное из словаря Военной академии ГШ ВС РФ отражает общее – но приблизительное – восприятие сути предмета исследования. Автор в принципе положительно оценивает подобный подход, но с оговоркой, которой, в первую очередь, устанавливается применение мирных средств для достижения причинённой цели, а не

«состояние защищённости <...> интересов <...> государства <...>». Заявление о «состоянии защищённости» необходимо пояснить.

Сочетание обстоятельств, в котором пребывает объект военной безопасности, подразумевает проведение их константного мониторинга, поскольку они находятся в непрерывной эволюции и движении. Это предполагает не только управление ими, но и укоренение в надлежащем положении. Как раз поддержание оптимальных обстоятельств функционирования государства как сложной социальной системы, которые находятся в зависимости от его целостности, очевидно, выступает военной безопасностью.

Подчёркнутое в предыдущем абзаце подвигает к выводу о том, что предмет анализа не является состоянием защищённости интересов и ценностей кого-либо. Военная безопасность, прежде всего, предопределена обстоятельствами бытия объекта, которые способствуют сбережению его целостности, устойчивого развития и эффективного функционирования на базе плодотворного управления ими со стороны субъекта. Военная безопасность, таким образом, может быть обеспечена возможностью и стремлением влиятельных субъектов сохранять состояние государства как целостное и устойчивое, продуктивно ограждая его от многообразных внешних и внутренних негативных влияний.

В определённой степени близка к рассматриваемому явлению точка зрения учёных, акцентировавших своё внимание на категории «оборонная безопасность» [3, 7, 10]. Они интерпретируют последнюю в качестве системы мер по обеспечению безопасности государства к вооружённой защите от агрессии. Необходимо отметить, что категории «военная безопасность» и «оборонная безопасность» всё же неравнозначны. И этому соответствует адекватное объяснение, заключающееся в следующем.

Обороноспособность, согласно Ю.Н. Дзюбичу, есть «совокупность политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных средств и мер по подготовке к вооружённой защите Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории» [3, с. 14]. Рассматриваемое понятие отражает такие угрозы, которые имеют адресный акцент, причём, в крайнем его проявлении – войне. Подобную функцию преимущественно реализует государство, а роль социума определена воинской обязанностью и мобилизационным резервом. Тогда опасности во всех их формах, пребывающие в границах потенциальной возможности, не следует относить к области обороны. Поэтому оборонную безопасность необходимо интерпретировать в качестве части военной безопасности.

Кроме того, оборонная безопасность в своей процессуальности устанавливает ограничения применения вооружённых сил в виде боевых действий, тем самым умаляя значимость невоен-

ных средств в достижении искомой цели. Становится понятным, что для неё присущи военные меры, которые способствуют отражению, локализации или ликвидации угроз. Обеспечение же военной безопасности предполагает *принятие мер по дистанцированию ценностей объекта от получения урона, в первую очередь, на основе мирных значений: политических, экономических, социальных, информационных и др., а военное вмешательство – вторично*. Это ещё один признак обобщаемого явления.

Теперь важно принять во внимание следующее: до сих пор, хотя и указав на имеющийся недостаток обстоятельных изысканий понятия «военная безопасность» в научной литературе с социально-философской позиции, автор всё ещё сам не осуществил возмещение данной лакуны. Прежде, чем исправить этот промах, представляется значимым объединить рассмотренные характеристики военной безопасности.

Итак, в статье была выявлена некоторая *совокупность признаков военной безопасности*:

- *состояние репрезентативной практики социума в контексте его деятельности, сознания и поведения по интересующему вопросу;*
- *сбережение качественной специфики объекта в пределах его прочного существования, динамического развития и плодотворного функционирования;*
- *принятие мер по дистанцированию ценностей объекта от получения урона, в первую очередь, на основе мирных значений: политических, экономических, социальных, информационных и др., а военное вмешательство – вторично*. Указанный признак выступает заданной или причинённой целью.

Таким образом, интерпретация понятия «военная безопасность» в зеркале социально-философского анализа позволяет зафиксировать, как минимум, три утверждения.

Первое. Военная безопасность – это состояние репрезентативной практики социума, обеспечивающее сбережение качественной специфики объекта в пределах прочного существования, динамического развития и плодотворного проявления на причинённые цели – предотвращение урона его ценностям – преимущественно мирными значениями, а также обстоятельств, способствующих подобному.

Второе. Сущность военной безопасности заключается в способности и согласии её влиятельных агентов применить разработанную ими репрезентативную практику для сохранения устойчивого бытия, непрерывного движения и эффективного проявления объекта, но не его защищённости.

Третье. Основной закон военной безопасности: соответствие заданной цели, применяемых средств, способов взаимодействия и форм объединения её субъективных движущих сил обстоятельствам прочного существования, динамического развития и плодотворного проявления объекта регулирования.

Список литературы

1. Антюшин С.С. Военная безопасность как фактор стабильности российского общества (социально-философская концепция). – М.: ВУ, 2004. 140 с.
2. Бовдунов А. Стратегическое мышление как Российская альтернатива для Восточной Европы. URL: www.geopolitica.ru/node/974#Ukm720XmxEg (дата обращения 30.09.2014).
3. Дзюбич Ю.Н. Региональная политика Российской Федерации и её влияние на обороноспособность страны. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2009. 20 с.
4. Жинкина И.Ю. Стратегическое мышление США // США – Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 3. С. 72-81.
5. Зорина Ю.В. Репрезентация терминофрейма «safety» в английском языке // Армия и общество. 2013. № 1(33). С. 66-71.
6. Краткий словарь военно-стратегических терминов (разработан в Военной академии ГШ ВС РФ и размещён в Интернете 23 августа 2012 г.). URL: [htt://artofwar.ru/r/romanov_n_a/text_0250.shtml](http://artofwar.ru/r/romanov_n_a/text_0250.shtml) (дата обращения 3.09.2013).
7. Кузык Б.Н. Разработка моделей и методов решения проблемы оборонной и энергетической безопасности. Автореф. дисс. ... докт. техн. наук. – М., 2005. 48 с.
8. Макаренко Д.И., Хрусталёв Е.Ю. Концептуальное моделирование военной безопасности государства. – М.: Наука, 2008. 303 с.
9. Рыхтик М.И. Безопасность Соединённых Штатов Америки: история, теория и политическая практика. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2004. 180 с.
10. Слепак В.Ю. Правовые аспекты политики безопасности и обороны Европейского Союза. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. 20 с.
11. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. – М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.
12. Brzezinski Zbigniew. America and World: Conversations on the future of American Foreign Policy / Zbigniew Brzezinski, Brent Scowcroft, David Ignatius. – N.Y.: «Basic Books», 2008. 291 p.
13. The Concise Oxford Dictionary: The New Edition for the 1990s. – N.Y.: Oxford University Press, 1990. P. 1093.

14. Petit Larousse illustre: Dictionnaire Encyclopedique pour tous. – Paris: Librairie Larousse, 1981. P. 920.

Reference

1. Antyushin S.S. Voennaya bezopasnost' kak faktor stabil'nosti rossiyskogo obshchestva (sotsial'no-filosofskaya kontsepsiya) [Military safety as a factor of stability of the Russian society (social-philosophical concept)]. – M.: VU, 2004. 140 p.
2. Bovdunov A. Strategicheskoe myshlenie kak Rossiyskaya al'ternativa dlya Vostochnoy Evropy [Strategic thinking as Russian alternative for Eastern Europe]. URL: www.geopolitica.ru/node/974#Ukm720XmxEg (data obrashcheniya 30.09.2014).
3. Dzyubich Yu.N. Regional'naya politika Rossiyskoy Federatsii i ee vliyanie na oboronosposobnost' strany [Regional policy of the Russian Federation and its influence on defense capability of the country]. Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. – M., 2009. 20 p.
4. Zhinkina I.Yu. Strategicheskoe myshlenie SShA [Strategic Thinking USA] // SShA – Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2002. № 3. Pp. 72-81.
5. Zorina Yu.V. Reprezentatsiya terminofreyma «safety» v angliyskom yazyke [Representation of a terminofreym of «safety» in English] // Armiya i obshchestvo. 2013. № 1(33). Pp. 66-71.
6. Kratkiy slovar' voenno-strategicheskikh terminov (razrabotan v Voennomy akademii GSh VS RF i razmeshchen v Internete 23 avgusta 2012 g.) [Concise Dictionary of Military and Strategic terms (developed at the Military Academy of the General Staff of the Russian Armed Forces and available online August 23, 2012)]. URL: [htt://artofwar.ru/r/romanov_n_a/text_0250.shtml](http://artofwar.ru/r/romanov_n_a/text_0250.shtml) (data obrashcheniya 3.09.2013).
7. Kuzyk B.N. Razrabotka modeley i metodov resheniya problemy oboronnoy i energeticheskoy bezopasnosti [Development of models and methods of a solution of the problem of defensive and energy security]. Avtoref. diss. ... dokt. tekhn. nauk. – M., 2005. 48 p.
8. Makarenko D.I., Khrustalev E.Yu. Kontseptual'noe modelirovanie voennoy bezopasnosti gosudarstva [Conceptual modeling of military safety of the state]. – M.: Nauka, 2008. 303 p.
9. Rykhtik M.I. Bezopasnost' Soedinennykh Shtatov Ameriki: istoriya, teoriya i politicheskaya praktika [Safety of the United States of America: history, theory and political practice]. – Nizhniy Novgorod: Nizhegor. gos. un-t, 2004. 180 p.
10. Slepak V.Yu. Pravovye aspekty politiki bezopasnosti i oborony Evropeyskogo Soyuza [Legal aspects of safety and defense policy of the European Union]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – M., 2010. 20 p.

11. Shelling T. Strategiya konflikta [Strategy of Conflict]. – M.: IRISEN, 2007. 366 p.
12. Brzezinski Zbigniev. America and World: Conversations on the future of American Foreign Policy / Zbigniev Brzezinski, Brent Scowcroft, David Ignatius. – N.Y.: «Basic Books», 2008. 291 p.
13. The Concise Oxford Dictionary: The New Edition for the 1990s. – N.Y.: Oxford University Press, 1990. P. 1093.
14. Petit Larousse illustre: Dictionnaire Encyclopedique pour tous. – Paris: Librairie Larousse, 1981. P. 920.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Вершилов Сергей Анатольевич, доцент кафедры боевой подготовки и безопасности полётов, кандидат философских наук, доцент

Филиал Военного учебно-научного центра ВВС «ВВА» (г. Краснодар)

Саратовская область, г. Балашов, 412303, Россия

vershil@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vershilov Sergey Anatolievich, Associate Professor of combat training and flight safety, PhD, Associate Professor

Branch of the Air Force MTSC «MAA» (Krasnodar)

Saratov region, Balashov, 412303, Russia

vershil@mail.ru

Рецензент:

Филатов Тимур Валентинович, Заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, профессор, Поволжский Государственный Университет Телекоммуникаций и Информатики, г. Самара